

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АФФИКСОВ ЛИЧНОГО ПРИТЯЖАНИЯ В СИСТЕМЕ ШИФТЕРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА)

Рассматривается вопрос функционирования одного из средств персонального дейксиса бурятского языка в системе шифтеров – аффиксов личного притяжания. В этой связи изучаются функции данных аффиксов по регулированию отношений между участниками речевой коммуникации в пределах монологического, диалогического, смешанного текстов. В ходе анализа языкового материала актуализируется связь действительных элементов с текстообразованием, выявляется специфика функций двойного дейксиса. В диалогических и монологических единствах аффиксы личного притяжания наиболее часто выражают отношение говорящего к определенному участнику речевого акта, служат средством тождества референции, организуют смысловую и структурную целостность текста. В смешанных текстах рассматриваемые аффиксы в системе двойного персонального дейксиса участвуют в распределении коммуникативной нагрузки среди участников коммуникативного акта, служат для различения и идентификации антецедента, иначе говоря, ориентируют читателя в тексте.

Ключевые слова: шифтеры, персональный дейксис, аффиксы личного притяжания, речевая коммуникация, диалогический и монологический текст, текстовая функция.

Как известно, любое высказывание представляет собой единицу речевого общения, ориентированную на речевой акт как выражение процесса коммуникации [1, с. 90]. В соответствии с этим в системе любого языка имеется некий набор лексико-семантических, грамматических средств, передающих информацию, во-первых, о лице, формирующем высказывание (говорящем), во-вторых, о лице, которому предназначено высказывание (слушающем). Значимыми компонентами процесса формирования (продуцирования) высказывания, которые отражают соотношенность говорящего с высказыванием, являются указатели лица в системе отношений «я» – «ты». Эти действительные формы указателей лица, появление которых связано с составом высказывания, принято называть по Р. О. Якобсону шифтерами [2, с. 97]. По его мнению, шифтеры представляют собой класс грамматических единиц, с помощью которых происходит «переключение» высказывания на те или иные компоненты ситуации, в первую очередь на взаимоотношения между говорящим и слушающим, а также на временные, пространственные и другие значимые характеристики процесса порождения высказывания. Взаимоотношения в процессе речевой коммуникации, протекающие между «я» (говорящий), «ты» (слушающий), выражаются с помощью средств субъектного персонального дейксиса [3]. К элементам несубъектного дейксиса принято относить средства референции, служащие для указания на участника речевого акта 3-го лица, на коммуниканта как предмета речи, выражающие отношения в оси «он», «это».

В бурятском языке к указателям лица в системе коммуникативных координат «я» – «ты» – «он», иначе говоря к шифтерам, относятся несколько классов специализированных грамматических единиц:

1. Личные местоимения – *би* (я), *ши* (ты), *тэрэ* (он, она, оно), *бидэ* (мы), *та* (вы), *тэдэ* (они).

2. Лично-предикативные частицы – *-б* (-би, -м), *-ш* (-ши), *-бди* (-мди), *-т* (-та).

3. Аффиксы личного притяжания (далее – АЛП) – *-мни/-м/-ни* (мой), *-мнай/-най* (наш), *-ини* (твой), *-тнай* (ваш), *-нь/-ынь/-инь* (его, ее, их).

Взаимоотношения участников коммуникативного акта в речевой ситуации наиболее наглядно выражаются в рамках диалогического текста. Рассмотрим пример с использованием личных местоимений и лично-предикативных частиц.

(1) *Мархай: О-о, энэ Жалма бэйшэ гүт? Хуушайнага танилтай уулзашабалби.*

Жалма (гайхаж): Юугээ хэлэбэ гээшэбта, би танише танинагуйлби.

Мархай: 1927 ондо комсомолой бүлгэмдэ хамта ябадагаа мартаа гүш?

Мархай: О-о, не Жалма ли вы? Я встретился с со старой знакомой.

Жалма (удивленно): Что вы говорите, я вас не узнаю.

Мархай: Неужели ты забыла, как в 1927 году вместе ходили в комсомольской ячейке? [4, с. 21]

В этом диалогическом единстве отношения «я» и «ты» выражены эксплицитно с помощью личных местоимения *би*, лично-предикативных частиц *-т*, *-би*, *-ш*. В диалоге, разбитом на отдельные высказывания, один из коммуникантов (Мархай или Жалма) поочередно посредством личного местоимения или лично-предикативной частицы присваивает себе позицию *би* (я) и ставит слушающего в позицию *ши* (ты) или *та* (вы).

Рассмотрим более подробно функционирование АЛП в системе шифтеров текста. В отличие от лично-предикативных частиц АЛП при выражении отношений между говорящим и слушающим не присваивает функцию *би* или *ши*, а лишь указывает на соотношенность высказывания по отношению к участникам речевого общения (к *би*, *ши*, *тэрэ*, *та*, и т. д., к предмету 1-го, 2-го, 3-го лица ед. и мн. ч.).

(2) *Джим Рой: Намайшһни инаг басагамни, эжым-ни гэртэм хүлээжэ байна даа. Эсэгэмни баһа дайнда үгы һэн. Дүшэн табан ондо немецүүдээр дай хэхэдээ.*

Джон Смит: Баһа үгы гээшэһһни юун гээшэб? Тишхэдээ иш алуулһан дээрэ гээжэ тооложсо байна бэшэ аабзаш?!

Джим Рой: Меня дома ждудт любимая девушка и мать. Мой отец погиб на войне. В сорок пятом, когда воевали с немцами.

Джон Смит: Что такое твое нет? В таком случае, надеюсь, ты не думаешь, что лучше быть убитым? [4, с. 136].

В этом диалогическом единстве АЛП 2 л. ед. ч. *-шһни* показывает отношение говорящего к слушающему как к собеседнику, содержит сему «близость отношений»: *намайешһни – (меня, твоего друга)*. То же самое можно сказать и по отношению к *гээшэһһни (то, что ты говоришь)* с той лишь разницей, что *-шһни* в этом случае содержит сему указания на субъект действия инфинитного сказуемого. Таким образом, АЛП в диалогическом тексте, в отличие от личных местоимений и лично-предикативных частиц, не указывает прямо на лицо говорящего (слушающего), а лишь выражает отношение говорящего (слушающего) к участникам разговора.

Рассмотренный материал показывает, что употребление АЛП в бурятском диалогическом тексте можно разделить на две группы:

1. АЛП относятся к одному и тому же лицу (персонажу, предмету).

(3) *Мархай: Юундэ шимэ уруу дуруу, муу һуунаш?*

Залуу хүн: Ажалһаамһни гаргажса хаябал, Мархай аба.

Мархай: Юун гээжэ?! Яагаад ажалһаашһни гаргажса болоо юм?

Мархай: Почему такой грустный (понурий) сидишь?

Молодой человек: Меня уволили с работы, отец Мархай.

Мархай: Что?! Как можно было тебя с работы уволить? [4, с. 33]

В этом примере *-мһни, -шһни* относятся к персонажу *залуу хүн / молодой человек*.

2. АЛП относятся к разным лицам (персонажам, предметам).

(4)

Сэсэг: Болод, югээ хэлэнэш? Юрэдөө, ойлгоногуйб.

Болод: Эндэхээ хойшо ойлгохо болохош.

Сэсэг: Намаяа дайраха шалтагһһни ишгээжэ ерэбэ гү?

Болод: Хэмнай хэнээ дайранаб?

Сэсэг: Хаагуур орожо ерээбши?

Болод: Мэргэнэйшһни орожо, гаражса байһан газараар.

Сэсэг: Болод, что ты говоришь? Совсем не понимаю.

Болод: С этого момента станешь понимать.

Сэсэг: У тебя нашелся такой способ меня задеть?

Болод: Кто из нас кого задевает?

Сэсэг: Как ты вошел?

Болод: Теми же путями, какими твой Мэргэн [5, с. 181].

В этом диалогическом единстве аффикс *-шһни* указывает на соотнесенность употребленных с ним слов *шалтаг, Мэргэн* к разным лицам (Болоду и Сэсэг). Интерес вызывает *-мһнай (наш)* в *хэмнай (кто из нас)*, который в этой ситуации включает одновременно обоих коммуникантов Болода и Сэсэг.

В целом анализ языкового материала показал, что наиболее часто АЛП служит средством тождества референции одного и того же предмета речи, т. е. указывает на одно и то же лицо. Тогда как гораздо реже АЛП употребляются для выражения отношения к разным лицам. На взгляд автора, это объясняется тем, что АЛП, относящиеся к одному и тому же лицу или объединяющие участников коммуникации, организуют текст вокруг этого предмета речи, тем самым обеспечивают смысловую и структурную целостность диалогического единства. В случае, когда АЛП относятся к разным участникам коммуникации, это единство текста нарушается, поскольку появляется два смысловых центра.

В отличие от диалогического единства, в монологическом тексте от 1-го лица выражение взаимоотношений *я – ты* выражается имплицитно и их можно охарактеризовать как выполнение коммуникативных ролей *я-автора* и *ты-читателя*. Рассмотрим пример монологического текста.

(5) *Ухибүүд – манай ерээдүй гэдэг зантайбди. Харин мүнөөнһөө шимэ байдалда үндыжэ байһан хүүгэднай ямар хүнүүд болохоб? / Мы считаем, что дети наше будущее. Однако какими же людьми станут наши дети, которые сейчас растут в таких условиях? [6, с. 5].*

Отношения *я-автор – ты-читатель* в этом единстве выражены с помощью лично-предикативной частицы 1-го лица мн. ч. *-бди* и АЛП 1-го лица мн. ч. *-мһнай*. До вышеприведенного микротекста повествование идет от 1-го лица ед. ч. *би (я)*. При переключении повествования на говорящего от 1-го лица мн. ч. *бидэ (мы)* ощущается присутствие слушающего (читателя). При этом читатель не занимает позицию *иш (ты), та (вы)*, отдельную от *би-автора*, а как бы включается в позицию автора, иначе говоря АЛП *-мһнай* подразумевает *би(я) + иш (ты)*. Иначе говоря, можно сказать, что АЛП *-мһнай* в любом тексте (диалоге/монологе) благодаря своей семантике сохраняет способность объединять субъекты речи.

Что касается функционирования АЛП 3-го лица в повествовательном тексте, то они, как правило,

выражают отношение к одному из персонажей (предметов). Что в принципе соответствует статусу дейктических местоименных показателей 3-го лица, которое исключают понятие «лицо» [7, с. 286].

(6) *Нээрээшье, тэрэмнай шантагархан хамартай, хамарайнь үзүүр наранда дүрээжэ улайнхай, арханиинь хуургайтатжа ябадаг һэн / И вправду, у нее был вздернутый нос, кончик носа так сильно обгорел на солнце, аж кожа (ее) слезала* [8, с. 17].

Интересным представляется тот факт, что в рассматриваемых примерах бурятского повествовательного текста не выявлен случай прямого указания на лицо *ши*-читателя. То есть автор-говорящий, выражая позицию *би*, автоматически подразумевает слушающего-читателя в позиции *ши*.

Рассмотрим, каким образом распределяются функции АЛП в смешанном тексте, включающем диалогическую и монологическую части.

(7)

Мүнөө Пашкамни намайгаа жэзгэйгээр хараад, иигээжэ хэлэбэ:

– *Нүхэр, шимни тэрэ өөрынгөө хубита мүнгэ аба даа, зай гү?*

Бинь гайхажэ асуубаб:

– *Юун аба гэжэ, үмдэээ абахамнай яаһам?*

– *Өөрынгөө хубита мүнгэ аба, би үмдэ абахаяа болёоб, – гэбэ.*

– *Юун болобо гэзшэб, ушарынь хэлэжэ үгыш? – гэжэ гайхан асуухадамни Пашка абяа гарангүй һууба.*

Тогда Пашка посмотрел на меня как-то странно и сказал:

– Друг, ты забери свою долю денег, ладно?

Я удивленно спросил:

– Почему забрать, как же наша покупка брюк?

– Возьми свою долю, я не буду покупать брюк, – говорит.

– Что случилась, скажи причину, – спрашиваю удивленно, Пашка сидит и молчит [8, с. 48].

В диалогической части в коммуникативной роли *я* и *ты*, так же как в примерах (2), (3), (4), поочередно выступают участники общения (*шимни*, *абахамнай*). Аффикс 3-го лица *-ынь* не соотносится с *я* и *ты* и указывает на предмет, о котором идет речь (*ушарынь* – *причина*). Тогда как в монологическом отрезке взаимоотношения смещаются, в функции *я*-говорящего выступает автор (*Пашкамни*, *асуухадамни*), позицию *ты*-слушателя без прямого указания замещает читатель. Таким образом, наблюдается более сложное сочетание отношений «я» – «ты» – «он (это)», когда коммуниканты, выступающие в диалоге с помощью АЛП в роли *я-ты*, в монологической части становятся персонажами 3-го лица «он» (*Пашка*, *бинь*). Сохраняет в монологе позицию *я*-говорящего лишь один из участников диалога, который одно-

ременно является *я*-автором (*бинь*) (поскольку повествование в рассказе идет от 1-го лица).

На основе анализа смешанного текста можно сказать, что именно в таком тексте более наглядно проявляется синтаксическая функция шифтеров. В зависимости от монологического/диалогического текста они выступают определенными регуляторами персонального дейксиса, выводя поочередно на передний план с помощью разных средств – АЛП, личных местоимений, лично-предикативных частиц – роли одних героев, сохраняя при этом на втором плане роли других участников коммуникации (тем самым удерживая в поле зрения и создавая единую содержательную линию).

В этом отношении в бурятском языке интерес лингвистов вызывают случаи частого использования АЛП с местоимениями *тэрэмнай*, *бишни*, *тань* и т. д. В подобных примерах наблюдается двойной дейксис, поскольку в одной словоформе совмещаются два дейктических элемента *тэрэ* + *мнай*, *би* + *шни*, *та-нь*. Рассмотрим, каким образом двойной персональный дейксис участвует в регулировании акта речевой коммуникации.

(8) Пример отрывка из диалогического текста:

Мархай: Битнай тиимэ ноён бэйшэлби / Я не такой (большой) начальник [4, с. 13].

(9) Пример отрывка из монологического текста.

Тэрэмни дахин галдаа түлээ хэжэ дэгжээгээд... / Он (мой) добавил дрова в огонь... [8, с. 6].

Энэшни намтай дуугаралсаха дурагуйл... / Он (твой) не хочет со мной разговаривать... [8, с. 7].

Основная функция дейктических элементов, как субъектного, так и несубъектного характера, заключается в отсылке читателя к участникам речевой ситуации для их различения или правильной идентификации антецедента. В примере (9) использование АЛП *-мни* в *тэрэмни* (*он-мой*) указывает на рассказчика, который является участником акта речевой коммуникации, поскольку повествование идет от 1-го лица. Тогда как АЛП *-шни* в словоформе *тэрэшни* (*этот-твой*) включает в речевое общение *ты*-читателя, при этом опосредованно предполагается наличие *я*-автора.

Таким образом, в бурятском языке функционирует разнообразный инвентарь дейктических элементов системы шифтеров, одним из своеобразных средств которых являются аффиксы личного притяжания, позволяющие регулировать распределение коммуникативной нагрузки среди участников речевого общения, тем самым ориентируя читателя в тексте. Несомненно, в функционировании средств персонального дейксиса в бурятском языке имеются закономерности их использования в диалогическом и монологическом текстах, их употребление отличается спецификой в сфере двойного дейксиса, а также связано с механизмами бурятского текстообразования.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1998. 685 с.
2. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя: сб. ст. АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
3. Кибрик А. А. Об анафоре, дейксисе и их соотношении // Разработка и применение лингвистических процессоров: сб. ст. / под ред. А. С. Нариньяни. Новосибирск, 1983. С. 107–129.
4. Шагжин Ц. Г. Будамшуу (пьесы, рассказы на бурятском языке). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1987. 255 с.
5. Шадаев А. Жаргалта үдэр (Счастливый день). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1961. 285 с.
6. Бальжинимаев Ц. Д. Хэд болохоб? (Кем станут?) Буряад үнэн. Улан-Удэ, 2004. Вып. 25. С. 5.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
8. Шагжин Ц. Г. Эрхим нухэд (Лучшие друзья). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1963. 96 с.

Цырендоржиева Б. Д., доцент.

Бурятский государственный университет, Восточный институт.

Ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия, 670000.

E-mail bairma_11@mail.ru

Материал поступил в редакцию 02.08.2016.

B. D. Tsyrendorzhiev

PERSONAL POSSESSIVE AFFIXES' FUNCTION IN THE SYSTEM OF SHIFTERS (ON THE BASIS OF THE BURYAT LANGUAGE)

The article deals with the issue of a personal deixis of the Buryat language shifter system's functioning - personal possessive affixes. In this context, we study the function of the given affixes to regulate relations between members of the speech communication within the monological, dialogical, mixed texts. The analysis of language material actualized the relation of deictic elements with text creating and revealed the specifics of the double deixis' functions. Personal possessive affixes most often express the attitude of the speaker to a certain party of the speech act, serve as a means of identity references, organize semantic, structural integrity of the text in a dialogical and monological unity. Affixes, that are considered in the system of double personal deixis in mixed texts, participate in the distribution of communicative load among the participants of the communicative act, are used to distinguish and identify the antecedent, in other words, direct the reader in the text.

Key words: *shifters, personal deixis, personal possessive affixes, speech communication, dialogic and monologue text, text function.*

References

1. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Ch. ed. V. N. Yartsev. M.: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1998. 685 p. (in Russian).
2. Yakobson R. O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol [Shifters, verbal categories of the Russian verb]. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya: sb. st. AN SSSR. Institut vostokovedeniya* [Principles of language typological analysis of different system: collection of articles. USSR Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies]. Moscow: Nauka Publ., 1972. Pp. 95–113 (in Russian).
3. Kibrik A. A. *Ob anafore, deyksise i ikh sootnoshenii* [About the anaphora, deixis and their relationship]. *Razrabotka i primeneniye lingvisticheskikh protsessorov: sb. st.* [Development and application of linguistic processors: collection of articles]. Ed. A. S. Narinyani. Novosibirsk, 1983, pp. 107–129 (in Russian).
4. Shagzhin C. G. *Budamshuu (p'esy, rasskazy na buryatskom yazyke)*. [Budamshuu (plays, stories in the Buryat language)]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1987. 255 p. (in Russian).
5. Shadayev A. *Zhargaltauder (Schastlivyy den')*. [Zhargaltauder (Happy Day)]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1961. 285 p. (in Russian).
6. Bal'zhinimaev C. D. *Khedbolokhob? (Kem stanut?)* [Khedbolokhob? (Who would?)]. *Buryadunen*. Ulan-Ude, 2004, vol. 25. p. 5 (in Russian).
7. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Ed. Yu. S. Stepanov. M.: Progress Publ., 1974. 447 p. (in Russian).
8. Shagzhin C. G. *Erkhimnykhed (Luchshiyе druz'ya)* [Erkhimnykhed (Best Friends)]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1963. 96 p. (in Russian).

Tsyrendorzhiev B. D.

Buryat State University, Oriental Institute, Department of the Buryat language and teaching methodology.

Ul. Smolina, 24 «а», Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000.

E-mail: bairma_11@mail.ru